Люди — хрупкие существа. Болезни, случайные травмы, короткий срок жизни, слишком уязвимое к внешним потрясениям сознание… Даже шиноби не лишены этих недостатков полностью. Несмотря на развитую в их телах чакру, они всё равно способны болеть, стареть, глупеть и терять самих себя в возрасте, погибать в ранней юности, сразу после рождения, в младенчестве и даже до того, как им удалось бы покинуть лоно матери. Нередко бывало и так, что уже родители покидали этот мир раньше собственных детей, обрекая их на муки без нежной ласки матери и твёрдой заботы отца. Исключения, различия, вариативность — в мире шиноби не было ничего однозначного или неизменного. Отчаяние, горе, слёзы, крики… Человеческая жизнь.

Орочимару и сам не помнил, как выглядели его отец и мать, но Сарутоби Хирузен, его сенсей, говорил, что они им дорожили и погибли во время первой мировой войны шиноби, героически пожертвовав собой ради деревни и самого маленького Орочимару, который мог бы жить в ней, не зная никаких бед. Человек, ставший третьим хокаге Селения, Скрытого в Листве, рассказывал своему любимому ученику про тех существ, на которых сам мальчик был очень похож. Змеи. Хладнокровные существа, искусные охотники от самого рождения, гипнотизировавшие будущего саннина своим загадочным и таинственным обликом. Однако из всех прочих рептилий ребёнок выделил для себя одну конкретную, чьё значение, выдуманное людьми, проследовало с ним через года.

Сброшенная белой змеёй кожа — символ начала новой жизни, перерождения и реинкарнации. Большая редкость для Страны Огня, в которой Орочимару родился, а потому он полагал, что эта встреча была судьбоносной. Хирузен Сарутоби рассказал своему ученику о том, что нёс за собой этот знак. Возможно, в тот момент его мать и отец переродились, вновь став детьми? Мальчик не знал ответа на этот вопрос, но он забрал врезавшуюся ему в память шкурку белой змеи с собой и, находясь дома, заключил её в стеклянный сосуд. Это был талисман, символ того, что даже после конца может следовать начало. Инь — тьма, Ян — свет; Инь — смерть, Ян — жизнь. Две материи, образующие всё сущее, неразрывные в своей природе и вливающиеся крупицами в друг друга, кружащиеся в танце без конца. Истинная красота в том пути, у которого нет финала, и именно он — самый важный, исключительный. Именно так считал Орочимару.

Пока не столкнулся с войной.

Ненависть, злоба, убийства, не взошедшие жизни, грязь, болезни, грехи и пороки, младенческий плач, детские крики, женские вопли, мужской рёв, старческое хрипение, слёзы, страдания и кровь. Всё это описывало войну, являлось её обязательной составляющей. За всем этим всякая красота в жизни и смерти забылась Орочимару, мир приобрёл в его глазах гротескные и уродливые краски. Сенджу Наваки был очень весёлым, энергичным и жизнерадостным мальчуганом с большими мечтами, которые по итогу оказались абсолютно неважны. Он умер из-за нелепой случайности и собственной неопытности, ступив в ловушку врага и подорвавшись на заминированном взрывными печатями участке фронта. Будущий змеиный саннин тогда думал о том, мог ли он как-то предотвратить эту трагедию, если бы был более участливым и внимательным к действиям подопечного… Ведь он был командиром в их отряде. Перед его глазами ещё долго стоял взгляд Сенджу Цунаде, полный сокровенного ужаса и неверия. Девушка, потерявшая своего дорогого младшего брата, была раздавлена и сломлена.

Её возлюбленный по имени Като Дан, приходившийся Цунаде женихом, вернул медовым глазам девушки свет жизни. Это было нелегко, очень непросто. А потом всё пошло прахом, и он тоже сгинул. Тогда ещё парень, переживший бой с самим Ханзо по прозвищу Саламандра и принявший от него титул ниндзя из легендарного трио, не совсем мужчина, лично видел, как Сенджу пыталась техникой Мистической Ладони исцелить своего молодого человека, уже мёртвого на тот момент. И её безумный вопль осознания провала, который своими горечью и муками в нём заставил вздрогнуть даже вечно собранного и хладнокровного Орочимару, успевшего увидеть множество смертей. Что-то в нём треснуло и надломилось в тот момент. У него больше не было желания мириться со смертью, относиться к ней, как к чему-то прекрасному и неминуемому. В таком конце крылись лишь гниение, тошнотворный сладостный смрад и забытие. И если человеческое тело было настолько ничтожным и жалким, то ответ был лишь один — трансформировать его во что-то более совершенное, сильное, живучее. Бессмертное. Страсть вспыхнула в змеином саннине с новой силой, и он углубился в изучение природной энергии, загадочной мистерии, которой дышало всё вокруг — земля, камни, воды, ветер и деревья. Она проходила через всё, была везде, но нигде не задерживалась. Однако его друг Джирайя был научен так называемому Режиму Отшельника — специальной методике, которая была основана на природной энергии и её преобразовании в процессе смешения Инь и Ян. Природная энергия, выступавшая в роли третьего элемента во время образования чакры в организме, существенно влияла на результат и наделяла своего пользователя воистину невероятным возможностями. Даже по меркам могущественных шиноби. Орочимару видел в этом направлении свет и собственное будущее, но…

Некому было учить его этому искусству, и даже Джирайя не мог помочь своему товарищу в этом деле. Жабьи методы овладения сендзюцу были абсолютно неэффективны для Орочимару. Тогда, во время одной из миссий, внимание змеиного саннина привлёк клан, члены которого по непонятным причинам трансформировались будто сами по себе, превращаясь в монстров. Этих людей наполняла ярость, они становились намного сильнее, сама их чакра обращалась намного более мощной. Никто из них не мог контролировать эти приступы, это было похоже на бомбу замедленного действия, которая в определённый момент бы их всех обязательно загубила. Орочимару вызвался помочь им, практически сразу догадавшись, в чём была проблема. Их тела произвольно поглощали природную энергию, а в месте, где они жили, её концентрация превышала все разумные пределы. Орочимару решительно искал источник этой силы, в конце концов найдя пещеру Рьючи. Удивительное место, где обитали змеи исключительных размеров и силы, умевшие использовать сендзюцу. Некоторые, самые выдающиеся из них, даже обладали разумом, что не уступал человеческому. Легендарный саннин заключил контракт с этими змеями, жертвуя им свою чакру и кровь. Самый же могущественный из них, Змеиный Царь Ма́нда, оказался чрезвычайно гордым и постоянно требовал от своего контрактора человеческие жертвоприношения, пускай и был слабее самого Орочимару. Превосходство человека не мешало господину всех змей презирать его.

Орочимару потратил полгода ради того, чтобы научиться задействовать природную энергию в процессе образования чакры, однако успеха по итогу так и не достиг, не сумев постичь Трансформацию Змеиного Мудреца. Его тело просто не могло усвоить нужное количество сенчакры, чтобы начать изменять организм. Оно не обладало достаточной силой для этого, пускай и самой чакры было достаточно. Много времени было потрачено практически безрезультатно, но общий ключ и направление для движения саннин получил. Орочимару решил продвинуться на этом пути с помощью улучшенного генома памятного ему клана, начав разработку собственной проклятой печати, которая позволила бы обойти самые главные ограничения при освоении сендзюцу. Согласно наработкам змеиного саннина, при активации она должна была запечатывать природную энергию в себе и сразу же

распечатывать её прямо в клетках пользователя, а благодаря задействованным генам клана безумцев можно было избежать перманентных последствий при грубой трансформации тела. Это был оптимальный вариант, пускай даже и он должен был требовать достаточно сильных и уникальных людей для своего применения. В любом случае, эта планка была кратно ниже, чем для прямого пути освоения сендзюцу. И она выглядела единственной перспективной.

Но Орочимару полагал, что это было лишь начало пути. Ему нужно обрести совсем иное тело, другую форму, у которой допустимая схожесть с человеческим могла быть лишь одна — внешний облик. Простая природная энергия не способна обеспечить бессмертие сама по себе. Постигнувшие её в идеальном виде и использовавшие её на постоянной основе живые существа определённо жили много дольше, чем любые представители их вида, чему доказательством были разумные змеи из пещеры Рьючи, однако даже они старели. Для Орочимару это было недопустимо. Его влекла вечность, в течение которой он мог суметь достигнуть всего, чего только пожелал бы.

Все дзюцу, тайны, артефакты из древности, глубины возможностей чакры…

Он хотел всё.

***

Светлое помещение, в котором находилось всего два человека, была благоустроена по очень строгому и чопорному вкусу: свитки на дубовых полках рассортировали по разным параметрам, колбы со специальным жидким гелем, который насыщен жизненной энергией, стояли на столе Орочимару, серые полы вычистили идеально, а яркие белые лампы на потолке освещали всё здешнее убранство. Маленькая девочка с волосами ядовито-фиолетового оттенка наблюдала за действиями своего сенсея с живым интересом, не позволяя себе оторваться ни на миг. Он, увлечённый своим делом, вчитывался в содержимое свитка в своих руках с улыбкой на лице, то и дело поглядывая на чей-то светлый волос, который был им заточён между предметным и покровным стёклами. Мимолётно глянув на бумагу свитка, Митараши Анко разобрала только название, написанное большими, но аккуратными иероглифами — «Продвинутое мастерство печатей». Ей нравилось проводить время с этим человеком, он был для неё примером, которому стоило подражать, пожалуй, если бы Орочимару это позволил, она бы даже называла этого мужчину своим отцом. Змеиный саннин обучал ответственно и с расстановкой, грамотно подавая материал ребёнку и погружая её в мир шиноби постепенно, не слишком спеша. Он говорил ей, что скоро та поступит в академию шиноби, когда будет достаточно готова для этого.

— Орочимару-сенсей, вы так увлечены свитком, но всё равно отвлекаетесь на какой-то волосок… — Митараши любила кружиться рядом со своим учителем и задавать вопросы даже в свободное от занятий с ним время. — Неужели в нём есть что-то особенное?

— Ты очень наблюдательна, Анко, молодец. — Отвлёкшись, мужчина повернулся к ребёнку и по-доброму улыбнулся своей ученице. — Да, в этом волосе действительно есть нечто уникальное. Я знаю это наверняка. Он принадлежит очень странному и необычному мальчишке с удивительными способностями.

— Удивительными способностями? — Пускай Анко и не до конца понимала, о чём идёт речь, но, осознав участие в этом всём постороннего лица, девочка нахмурилась, ощутив укол в груди.

Это была наивная детская ревность.

— Я бы даже сказал, что они исключительные. — Орочимару ухмыльнулся. — Я полагаю, что его геном имеет в себе нечто очень перспективное и полезное для меня. К тому же, во время нашего разговора я заметил нечто очень необычное в его глазах… Помнишь, что я тебе говорил про трансформацию? Именно в ней заключён путь к вечной и лучшей жизни.

Митараши кивнула с достоинством ответственного студента, который ловит любое слово преподавателя со слегка приоткрытым от восхищения ртом, но от того не менее тщательно.

Глазные яблоки Орочимару тоже были особенными, он приобрёл их с самого рождения. Похожие на змеиные, они позволяли своим пользователю по-особому воспринимать температуру окружающей среды, а также делали его зрение незначительно острее, чем у других шиноби без додзюцу. Это было приятное преимущество, но чего-то изумительного в нём не было. Именно поэтому член легендарного трио питал некоторую зависть к Учиха и Хьюга. В особенности к Учиха. Конечно, его глаза не могли видеть больше, чем тот же шаринган, а говорить про бьякуган, чья направленность практически полностью сконцентрирована на Оке Прозрения, и вовсе не стоило, но и его «додзюцу» способно созерцать то, что не разглядит обыкновенная зеница.

— В его глазах иногда вспыхивали крошечные огоньки небесного цвета. — Орочимару продолжал улыбаться, делясь с любопытной ученицей информацией. — Будто они стремятся преобразоваться во что-то иное, но не могут. Процесс начался, но необходим катализатор. Когда я доработаю мою печать, то мне будет, что предложить этому мальчику.

— Но разве он достоин вашей милости, Орочимару-сенсей? — Анко не была привычна спорить со своим учителем, но в этот раз её ревнивая натура буквально просилась наружу.

Её губы забавно надулись. Бледный мужчина практически мгновенно понял, в чём крылась суть претензии его ученицы. Это лишь заставило его насмешливо ухмыльнуться. Подобная детская непосредственность казалась ему забавной. В свои юные годы он был более отстранённым, серьёзным и потерянным… Хирузен Сарутоби являлся хорошим учителем, но он не был способен дать Орочимару того, в чём тот нуждался. Жалостливый Третий не обладал тем стержнем, который позволил бы ему вовремя заметить начало перемен в Орочимару, чтобы предотвратить их. Он предпочитал закрывать глаза на все «проделки» своего ученика. И даже если бы прямо сейчас змеиный саннин рассказал своему сенсею о том, что он убил члена АНБУ Корня, то, мужчина был уверен, это сошло бы ему с рук. Пока он находится в Конохе, учёный мог быть уверен, что Хирузен простил бы ему почти что угодно, лишь бы он не угрожал деревне — всё остальное неважно.

— Он может быть для меня полезен. — Погладив слегка заалевшую от накатившего стеснения Митараши, с мягкостью в тоне отозвался Орочимару.

У любимых учеников есть свои привилегии.

http://tl.rulate.ru/book/100919/3726704